

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Предатель

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Полковник Гуров

Николай Леонов

Предатель

«ЭКСМО»

2013

Леонов Н. И.

Предатель / Н. И. Леонов — «Эксмо», 2013 — (Полковник Гуров)

За свою долгую карьеру полковники Гуров и Крячко распутали не один десяток сложнейших дел, но со шпионажем они столкнулись впервые. Им поручено разобраться в деле государственной важности: найти «крота», который «сливает» за рубеж материалы о секретных разработках оборонного завода «Боникс». Основная проблема заключается в том, что «крот» в курсе, что его ищут, и он постарался максимально обезопасить себя: уничтожил все следы своей деятельности, ликвидировал начальника службы безопасности завода и затаился...

Николай Леонов, Алексей Макеев

Предатель

У кого не случилось, что день не задался с самого утра? Да у всех бывало. Вроде бы и встал с той ноги, и в зеркало на себя посмотрел без отвращения, и жена при виде тебя не скривилась и даже завтрак приготовила. А вот только ворочается у тебя внутри маленький противный червячок, и ты заранее знаешь, что все у тебя сегодня пойдет наперекосяк. Может быть, это и называется интуицией?

Вот и Гуров, едва открыл глаза, как сразу же почувствовал, что ничего хорошего от предстоящего дня ему ждать не приходится. Во-первых, он проснулся на диване и, судя по закрытой двери спальни, его супруга, народная артистка России Мария Строева, еще изволила почивать. Вернувшись накануне после премьерного спектакля, на котором что-то почему-то пошло не так и вышел конфуз, она на ни в чем не повинного мужа с кулаками не бросалась, посудой не швырялась, а только, очень живописно и пространно высказавшись в адрес режиссера и коллег, хватанула коньячку и завалилась спать. Для Гурова это было делом привычным – если уж черт угораздил тебя жениться на актрисе, то терпи, – и он предпочел устроиться в гостиной. А во-вторых, когда, собрав постель и сделав обычную утреннюю гимнастику, стараясь, однако, не шуметь, чтобы не разбудить жену, что в такой ситуации было чревато, Лев Иванович отправился в ванную, то, едва взглянув на себя в зеркало, сразу почувствовал, что неприятностей он сегодня огребет немерено. Настроение испортилось окончательно, и он, кое-как позавтракав, отправился на Петровку, пытаясь по дороге понять, откуда чего ждать. Резонансных дел у них со Стасом Крячко сейчас в производстве не было, то есть они, конечно, были – как же двум полковникам-важнякам без них, а то зачем же их кормят? – но лиходеи уже пребывали в узилище, доказательная база была собрана такая крепкая, что не подкопаешься, и оставалась исключительно писанина, которую они оба дружно не любили, но куда же без нее? Значит, нужно было ждать чего-то новенького, а уж на это их друг и начальник генерал Петр Николаевич Орлов был большой мастер!

Войдя в кабинет и встретившись взглядом со Стасом, обычно даже в самых поганых ситуациях источавшим оптимизм и демонстрировавшим бодрость духа, а сейчас неожиданно хмурый, Гуров усмехнулся и произнес известную присказку преферансистов:

– Двое нас!

– Трое! – поправил его Стас. – Нас Петр дожидается, – и тон у него был очень озабоченный.

В приемной генерала друзья с удивлением увидели двух крепких парней в камуфляже, с автоматами и даже в масках. Крячко, умевший при необходимости договориться даже с чертом, давно уже был в самых теплых – не путать с интимными! – отношениях с секретаршей Петра и вопросительно посмотрел на нее. Но она только сделала строгие глаза, и они вошли в кабинет. Он оказался пуст, а поскольку дверь в комнату отдыха была открыта, они двинулись туда – ну какие же могут быть секреты между многолетними друзьями? – да вот только войти не успели, потому что Орлов вышел оттуда к ним сам, но дверь за собой закрывать не стал. Выглядел он «по-домашнему», то есть был без пиджака, с расстегнутым воротником рубашки и приспущенным галстуком, и явно общался с человеком ему не посторонним. А судя по тому, что из комнаты пахло сигаретным дымом, можно даже сказать – близким, потому что с некоторых пор курить у себя в кабинете Петр не разрешал никому.

«Что за чудеса? – подумал Гуров. – Зачем же тогда конвой в приемной? Нет, Петр явно готовит нам какую-то вводную. Как там в мультфильме? Предчувствия его не обманули!» Он глянул на Крячко, и тот согласно покивал ему головой – чутье на неприятности у Стаса было даже острее, чем у Льва Ивановича.

– Присаживайтесь! – предложил Петр, и они сели в кресла для посетителей перед его столом, а он, пододвинув стул, – рядом с ними. – Долго вам еще с бумажками ковыряться?

– Дня на два работы, – ответил Крячко, на всякий случай преувеличив.

– Отложите все в сторону – тут дело поважнее будет, – сказал Орлов.

– Да ты же сам с нас потом за нарушение сроков стружку снимать будешь, – возразил ему Гуров.

– Не буду! – твердо пообещал тот. – Так вот, ребята! Обратился ко мне с просьбой мой очень давний знакомый – у его друга беда большая приключилась, и надо помочь. Я ему за вас, как за самого себя, поручился!

– Петр! Мы частным сыском не занимаемся! Мы люди государевы, и служба у нас такая же! – категорично заявил Гуров.

– Что? Компромастик на олигарха какого-нибудь проклюнулся? И его, пока не поздно, отыскать надо вместе с шантажистом? – съехидничал Стас. – На чем же его, бедолагу, прихватили? На девочках? Или даже на мальчиках? Или в педофилию, убогий, ударился?

– Ну, зачем вы так? – раздался вдруг из комнаты отдыха приятный мужской голос с едва уловимым, но непонятно каким именно, акцентом. – Это дело действительно очень серьезное.

– Гюльчатай! Открой личико! – ернически попросил Крячко, которого понесло по кочкам, и какой только черт его в бок толкал? – Вы же, неуважаемый, небось с начальником нашим в лихие годы далекой боевой юности скорешились! А потом теплое хлебное место нашли и присосались к нему! А когда хозяина вашего за энное место жестко взяли, он приказал вам его из дерьма вытащить! Да только вы от сытой жизни все былые навыки растеряли! Вот и бросились к Орлову – выручай, мол! А тот, по старой дружбе, отказать не смог, вот и решил нас к этому делу припречь! А мы не дерьмовозы! Ясно, Гюльчатай?

Из комнаты в ответ не раздалось ни звука, а вот Орлов тихо сказал:

– Вон отсюда! – А потом, отбросив стул в сторону, вскочил и загрохотал: – Вон, я сказал!!! Вы что о себе возомнили?! Что круче вас только яйца?! Что вы самые пробивные?! Сопляки! Молокососы! Как ты говорил? – Он явно обратился к своему гостю: – Щенок может обгавкать волкодава, но сам от этого волкодавом не станет?

– Обтявкать, – поправил его невидимый собеседник.

– Вот-вот! Только вы не волкодавы! И даже не их щенки! Вы дерьмо собачье! Знать вас больше не желаю! Вон отсюда! – заорал Петр.

И Гуров, и Крячко смотрели на него в полном обалдении и не узнавали своего давнего друга, который действительно был на расправу крут и скор, да и рука у него была совсем не легкая, но не по отношению же к ним! Самое же главное, что Петр сейчас не играл на публику, как это бывало, когда он перед начальством устраивал им разносы – тогда-то они понимали, что это просто правила игры. Нет! Он сейчас не притворялся, ничего не изображал! Он действительно был в самом настоящем бешенстве, и ярость его границ не имела!

Бесконечно растерянные Гуров со Стасом сочли за благо покорно удалиться, сопровождаемые самыми нелिцеприятными высказываниями Орлова об их невысоких человеческих качествах, и, вернувшись в кабинет, уселись и недоуменно уставились друг на друга – их столы стояли напротив.

– Лева, ты что-нибудь понимаешь? – спросил Стас.

– Только то, что мы здорово подставили Петра – дело, видимо, действительно очень важное, – задумчиво ответил Гуров. – Надо было хотя бы узнать для начала, что случилось, а тут тебя переключило. С чего бы это?

– Ну, во-первых, ты сам про государеву службу начал, – напомнил Стас. – Во-вторых, сегодня понедельник. А в-третьих... – он растерянно почесал затылок. – Да буря сегодня, наверное, магнитная.

– И когда же ты, друг Стас, на головушку скорбным стал? – хмыкнул Лев Иванович.

– Да ладно тебе! – отмахнулся Крячко. – Скажи лучше, что делать будем?

– Полагаю, в целях собственной же безопасности нужно подождать, когда Петр немного успокоится, а потом выяснить, что же все-таки случилось, – предложил Гуров. – Ты попроси секретаршу, чтобы просемафорила нам, когда тучи разойдутся.

– Ох, не думаю я, что это сегодня будет – давненько я его таким не видел! И какой только черт меня за язык потянул?! – сокрушенно покачал головой Стас.

– Станислав Васильевич Крячко его зовут, – буркнул Лев Иванович. – Ладно! Что сделано, то сделано! А работу исполнять надо!

Они собрались было вернуться к своей столь нелюбимой писанине, когда открылась дверь и в проеме появился капитан Панкратов, был он, как и большинство в Главке, в штатском, а под расстегнутым пиджаком виднелась наплечная кобура. Входить он не стал, а так и остался стоять, прислонившись к косяку, одной ногой в коридоре, а другой – в их кабинете.

– Ну что, полкаши? Генеральские любимчики? Ткнули вас мордой в асфальт? – злорадно усмехнулся он. – Попробовали, каков он на вкус?

Крячко вскинулся, а вот Гуров и бровью не повел. Он и так знал, что очень многие в Главке, если не большинство, его сильно не любят, а проще говоря, ненавидят – Крячко доставалось просто за компанию, хотя таких открытых высказываний уже давненько не было. Льва Ивановича не любили точно так же, как не любят в школе круглых отличников, даже если те совершенно нормальные ребята, не заносятся и дают списывать. Вот и Гуров никогда не заносился – просто ему было гораздо легче, мгновенно все проанализировав, выдать единственно правильное суждение или решение, чем долго и нудно объяснять, как он к этому выводу пришел, особенно, если он не совпадал с мнением руководства. Орлов не в счет – он хорошо знал цену Льву Ивановичу и верил ему на слово абсолютно, но вот остальное начальство!.. Вот уж у кого Гуров со своей независимостью костью в горле стоял! Ну, как какому-нибудь чинуше признать его превосходство над собой? Да легче уксусу выпить! Но приходится терпеть, потому что дела – они разные бывают. Есть такие, что можно и для галочки закрыть как-нибудь, а ведь еще и другие случаются. Где нужно до самой сути докопаться и истинного виновника найти. К кому тогда пойдешь? А к Гурову! И не потому, что, кроме этого тандема Гуров – Крячко, в Главке больше важняков нет, а потому, что они лучшие! Вот и приходилось чинуше свое самолюбие поглубже засовывать. Ну и как при этом не озлобиться? И что уж тогда говорить о рядовых сотрудниках?

– Панкратушка! А в морду не хочешь? – ласково поинтересовался Стас.

– Да пошли вы оба! – с ненавистью бросил тот.

Оторвавшись от косяка, Панкратов направился в сторону кабинета Орлова, не потрудившись даже дверь закрыть, а Крячко недоуменно уставился на Гурова.

– Лева! Он что же, решил, что Петр нас в асфальт закатает или живьем слопают? А может, вообще с вещами на выход предложит?

– В частный сыск пойдём. Один раз у нас это уже хорошо получилось, – напряженно глядя на дверь, ответил Гуров, думая при этом о чем-то совершенно другом, а потом вскочил и со словами: – Нет, здесь что-то не так! – бросился в коридор.

Стас, хоть ничего и не понял, но, свято веря в интуицию друга, рванул следом за ним. И, словно он только и ждал их появления, Панкратов выхватил пистолет и начал стрелять в какого-то только что вышедшего из кабинета Орлова человека в гражданском, с закрытой черным мешком головой, которого сопровождали двое конвоиров – те, что ждали в приемной. Закрыв собой упавшего гражданского, на бедре которого расплывалось кровавое пятно, один из конвоиров, закинув автомат за спину, тащил его обратно в приемную Орлова, а второй вскинул свой автомат, но выстрелить не успел, потому что в этот момент Гуров всем своим весом обрушился сзади на Панкратова. Пистолет у того вылетел, и он, извиваясь ужом, все пытался до него дотянуться.

– Ты что творишь, сволочь? – заорал Крячко, приходя на помощь Гурову.

– Пусти! – хрипел Панкратов. – У них мой сын!

Второй конвоир тоже подскочил к Панкратову и защелкнул на нем наручники. На шум выбежал Орлов и тут же заорал:

– Ты жив? Ранен? Что с тобой? – и обращался он вовсе не к Гурову или Крячко, а к неизвестному человеку.

– Кевлар еще никого не подводил, а вот ногу зацепило, – с трудом прошептал тот и добавил: – Течет твое корыто, генерал! – А потом спросил у своих, теперь уже получалось, что и не конвоиров вовсе, а охраны: – Как вы, ребята?

– Нормально! Наши броники еще и не такое выдерживали! Но синяк останется! – ответил один из них.

– Ну, от синяка не умирают, – заметил раненый.

– Мы срочно к себе, – сказал второй охранник Орлову.

– Так его же хотя бы перевязать надо, – всполошился тот.

– У нас в машине все есть, – отмахнулся парень и кивнул на Панкратова: – Этого мы с собой заберем. Есть у нас к нему вопросы!

– Но наша служба собственной безопасности... – начал было Петр, но охранник невежливо перебил его:

– Да вернем мы вам его, товарищ генерал, – и объяснил: – Просто вы же не знаете, о чем его спрашивать, а мы знаем.

Между тем в коридоре уже собралась толпа офицеров, которые при виде раненого с закрытой черным мешком головой и Панкратова в наручниках недоуменно переглядывались и перешептывались, но, зная крутой нрав Петра Николаевича, ни о чем напрямую спросить не решались. Подошел вызванный одним из охранников лифт, и, когда Орлов собрался войти в него вместе с ними, чтобы при выходе из здания не возникло никаких недоразумений, этот непонятный человек попросил его:

– Ты на мальчишек не сердись! Молодые они еще! Все самоутвердиться хотят! Ничего, со временем повзрослеют!

Лифт уехал, толпа рассосалась, чтобы обсудить произошедшее в кабинетах, вернулись к себе и Гуров с Крячко.

– Лева, как ты все понял? – озадаченно спросил Стас.

– Ave Caesar, morituri te salutant! – объяснил Лев Иванович.

– Ты хочешь сказать, Панкратов, зная, что после такого его или грохнут, или посадят, решил напоследок высказаться? – воскликнул Стас.

– Что-то вроде, да еще наплечная кобура... Вот скажи, ты ее здесь, внутри здания, носишь? – спросил Лев Иванович.

– Да нет, в сейфе лежит, – пожал плечами Крячко.

– А вот на нем она была. Зачем, спрашивается?

– И из всего этого ты сделал вывод, что он собирается кого-то убить? – удивился Стас.

– Ну, не то чтобы убить, но вот что он что-то замышляет, понял. И не будь на этом человеке кевлар, он бы уже мертв был – Панкратов же у нас чемпион Главка по стрельбе. Наверное, именно поэтому у него сына и похитили, чтобы заставить на это пойти.

– Да, – согласно покивал Крячко. – Дети – это самое уязвимое, что только может быть у человека. Да еще родители.

– Вот поэтому-то я когда-то раз и навсегда решил для себя детей не иметь, – невесело заметил Гуров. – Хватит того, что у меня первую жену с сестренкой ее когда-то похитили, а потом и Марию.

– И никогда об этом не пожалел? – осторожно спросил Стас.

А вот эту болезненную для себя тему Гуров обсуждать не собирався и попросил:

– Ты бы лучше сходил к секретарше и разведал обстановку.

Мгновенно поняв друга, как понимал всегда, Крячко, ничуть не обидевшись, вышел, а Лев Иванович попытался сосредоточиться на работе, но не получилось – не о ней он сейчас думал. Вернувшийся очень быстро Крячко прервал его размышления, и Лев Иванович нетерпеливо спросил:

– Ну что?

– Докладываю, – начал Стас. – Его превосходительство сегодня изволили на службу при-
быть-с ажник еще до прихода секретарши, и она премного изумлена была, через открытую
дверь кабинета его увидев. А еще больше она удивилась, застав господина генерала за делом
совсем ему несвойственным – они-с в своей комнате отдыха чаек-с собственноручно заваривали-с и угощение по тарелочкам раскладывали-с. А потом эти трое появились, причем вели
охранники некоего гражданина в штатском очень аккуратно и почтительно, а вовсе не заломив
руки за спину. Провели они его, значитца, в кабинет, а сами, дверь аккуратноенько прикрыв,
в приемной уселись. И ни единого словечка за все это время не промолвили. А она сама в их
присутствии чувствовала себя до того стеснительно, что даже посмотреть в их сторону боялась.

– Стас, не тот ты момент выбрал, чтобы в остроумии упражняться, тем более так
неудачно, – поморщился Гуров. – Или это у тебя от нервов?

– От них, истрепанных и измотанных, – кивнул Крячко и продолжил в том же духе: –
Осмелюсь дополнить, что после нашего изгнания из начальственного кабинета грохнуло там
что-то. Как потом, уже после того, как сами его превосходительство кабинет покинуть изво-
лили, выяснила она, что это ваза была, которую вы, господин полковник, Петру Николаевичу
на юбилей презентовали-с!

– Ничего себе! – удивился Гуров. – Выпендривался ты, а виноват я оказался!

– Начальству виднее, – пожал плечами Стас.

– Петр уже вернулся?

– Да, но почти тут же снова ушел. Видимо, имеет нелицеприятную беседу с... – и Крячко
ткнул пальцем на потолок. – А в его кабинете такой шмон идет, что только пыль столбом.
Так что, вернувшись, он вряд ли будет расположен к восстановлению порушенных дружеских
отношений.

– Стас, хихоньки хахоньками, но ведь мы с тобой, кажется, хорошего человека обидели, –
заметил Лев Иванович.

– Да понял уже! Не совсем же я дурак! – вздохнул Крячко. – Уж если Петр ему собствен-
норучно чай стал заваривать и специально его любимое угощение купил, то, ежу понятно, ува-
жает он его крепко. А уж то, что он ему курить разрешил, само за себя говорит! Что делать
будем?

– Ждать его звонка и работать – раньше же он всегда, как успокоится, звонил! Что нам
еще остается?

– Вот ты и трудись, а я пойду по кабинетам пройдуся – что-то неспокойно у меня на
душе, – сказал Стас и вышел, а Гуров не стал возражать.

Лев Иванович, блестящий аналитик, совершенно не разбирался в подковерной борьбе,
постоянно идущей в Главке, а вот Крячко был там как рыба в воде. Да и как в ней можно было
что-то Льву Ивановичу понять, если она логически никак не просчитывалась? И победа или
поражение в ней зависели от чьего-то косоного не в ту сторону взгляда, неосторожно брошенного
слова и когда тайных, когда явных межличностных отношений, на которые Гуров и подавно
никогда внимания не обращал, считая основным критерием работника профпригодность и
столь ценимые им самые обычные человеческие качества: честность и порядочность.

Чувствуя свою вину, он активно взялся за документы, чтобы поскорее закончить это дело
и приняться за то, о котором говорил Орлов, а поскольку работа была механическая и давно
привычная, размышлять ему она не мешала. Вернувшийся Крячко прямо с порога предложил:

– Пошли покурим.

И, хотя они оба уже давно бросили курить, Гуров ничуть не удивился, а тут же поднялся и вышел вслед за другом, потому что эта фраза на их языке означала, что очень срочно нужно обсудить что-то настолько важное, что ничьих лишних ушей рядом с ними быть не должно. Заперев дверь, они вышли из здания и направились в кафе неподалеку. Вторая половина мая радовала глаз и веселила душу видом свежей зелени, и даже травка кое-где в трещинах асфальта пробивалась к солнышку, да и птицы, пусть и городские голуби с воробьями и воронами, тоже вовсю наслаждались первыми по-настоящему теплыми днями, но друзья ничего этого не замечали.

– Что, совсем плохо? – не выдержав затянувшегося молчания, спросил Гуров.

– Петр с завтрашнего дня отстранен от должности до выяснения всех обстоятельств случившегося, – зло сказал Стас. – Это же такое ЧП, что ему и определения не подберешь! Чтобы его подчиненный устроил не просто стрельбу в коридоре – это можно было бы на нервный срыв или временное помутнение рассудка списать, – а покушение на находящегося под охраной человека, это уже всякие границы переходит! А Орлов еще, оказывается, не только оформил визит своего друга как допрос особо важного подозреваемого, так еще и имя его настоящее назвать отказался! Да и Панкратова с ними отпустил! А это уже вообще ни в какие ворота не лезет!

– А там и в отставку его отправят, – вздохнул Гуров. – Петр же для них со своей принципиальностью хуже петли на шее – с ним же ни о чем не договоришься. Другому вкатили бы выговор, и все, а вот его не пощадят.

– Я ни с кем, кроме него, работать не буду! – решительно заявил Стас.

– Можно подумать, что я соглашусь какого-нибудь выскочку терпеть, – буркнул Лев Иванович.

– Значит, опять в частный сыск, как ты и говорил? – спросил Крячко.

– С этим всегда успеется, а пока мы еще побарахтаемся, как та лягушка в молоке, – почти угрожающе пообещал Гуров.

– Ага! Собьем себе островок масла и прыг оттуда! Только куда? И вообще что ты обо всей этой истории думаешь?

– Понимаешь, – начал Лев Иванович. – Раз тот человек был в кевларе да еще и с мешком на голове, не иначе как тоже кевларовом, то сделано это было не только в целях его безопасности, но, видимо, и для конспирации. Так что он, скорее всего, проходит по программе защиты свидетелей и человек настолько ценный, что тут любые меры предосторожности нелишними будут. И, должно быть, случилось или у него самого, или действительно у его друга – тут пока вопрос открытый – что-то настолько серьезное, что он рискнул из своего убежища выбраться, чтобы с Орловым встретиться и именно на работе, чтобы мы с ним поговорить могли. А Петр не тот человек, чтобы нас с тобой по пустякам дергать даже для своего, как оказалось, близкого друга. И если учесть, как Петр его визит обставил, то становится понятно, что дело архиважное, как говорил один недоброй памяти деятель. Да и поручился он за нас перед ним, как за самого себя. А мы с тобой, как два законченных идиота, выпендриваться начали! Словно с цепи сорвались!

– Ты голову пеплом не посыпай, а думай ею хорошенько, что нам теперь делать! – потребовал Крячко.

– Ударными темпами, ни на что не отвлекаясь, сегодня же закончить к чертовой матери писанину и с завтрашнего дня в отгулы, чтобы спокойно этим делом заняться, – предложил Гуров. – У тебя недели две наберется?

– И даже больше, только кто бы нам их дал?

– Орлов! Кто же еще? Он же только с завтрашнего дня отстранен, – объяснил Лев Иванович. – А потом поедем ко мне, сядем и все подробно обговорим.

– Да он с нами теперь и разговаривать не захочет, – засомневался Стас.

– А ты постарайся! Ты же у нас мастер разговорного жанра, что совсем недавно и продемонстрировал с присущим тебе талантом и блеском, – заметил Гуров.

– Опять я крайний! – притворно вздохнул Крячко, на самом деле несколько приободрившись – план действий был намечен, и оставалось только претворить его в жизнь.

Вернувшись на работу, они в четыре руки, не прерываясь даже на обед, покончили с делами и сдали их, а потом, написав заявления на отгулы, собрались к Орлову.

– Ты там лишнего не говори, – предупредил друга Лев Иванович. – Мало ли чего они там во время шмона подсунуть могли?

– Да зачем им это теперь? – удивился Крячко.

– Не знаю, только береженого и бог бережет, – пожал плечами Гуров и, быстро написав что-то на еще одном листке, взял его с собой вместе с заявлениями.

Обычно людная в конце рабочего дня приемная была пуста, и Крячко зло прошептал:

– Крысы уже побежали!

Увидев их, секретарша потянулась к селектору:

– Сейчас доложу.

– Даже так? – удивился Стас и спросил: – Как он вообще?

– Вернулся мрачнее тучи и приказал никого к себе без доклада не пускать, только ведь и не приходил никто, но и сам он никого не вызывал.

– А вот мы без доклада! – решительно заявил Лев Иванович.

Они вошли в кабинет и от удивления застыли: Петр сидел за своим столом и не только курил, хотя давно бросил, но еще и пил, и, судя по полупустой бутылке коньяка, занимался он этим уже давно.

– Товарищ генерал! – начал Гуров самым официальным тоном. – Мы сдали дело и хотели бы отдохнуть. Просим вас предоставить нам две недели отгулов.

С этими словами он положил перед Орловым три листка бумаги. Петр, совершенно трезвый, несмотря на выпитое, зло ощерился и, взяв верхний листок, хотел что-то сказать, но, прочитав, поднял на них удивленные глаза, а они ответили ему твердыми, решительными взглядами. На листке было написано: «Мы идиоты и кретины, но это все потом! А сейчас подписывай заявления и после работы немедленно ко мне! И помни о том, что мы и не из таких передраг выбирались!»

Орлов криво усмехнулся, кивнул им и подписал заявления, а потом зло сказал:

– Перетрудились?! Ну, отдохайте! И возьмите там, – он кивнул на комнату отдыха, – конфетки и все прочее. Съешьте за мой позор и унижение! То-то вам жизнь слаще покажется!

Крячко несколько растерялся, а вот Гуров понял все влет и ответил:

– Прямо так в руках и нести на потеху всему Главку?

Нажав на кнопку, Петр вызвал секретаршу и сказал:

– Возьми у господ офицеров заявления – отдохнуть им, видите ли, захотелось! И оформи все еще сегодня! Да! И еще сумку какую-нибудь принеси, а то неудобственно им с кульками по коридору шастать! – ернически добавил он.

Орлов пристально посмотрел на нее, и она понимающе кивнула, а когда буквально через минуту вернулась, протянула Гурову пакет, в котором, однако, уже что-то лежало. Ни слова не говоря, друзья навалили туда сверху все, что стояло на столе в комнате отдыха.

– Разрешите идти, товарищ генерал? – невозмутимо поинтересовался Гуров.

– Валите! – неприязненно ответил Орлов.

Друзья вышли и, быстро заскочив к себе за борсетками и оружием – мало ли как ситуация сложится? – направились на выход. Лев Иванович был, как всегда, сдержан и невозмутим, словно и не нес в пакете нечто взрывоопасное – не стал бы иначе Петр это у секретарши прятать, а вот Крячко, по своему обыкновению, балагурил:

– Эх! Вот как завалюсь я на дачу! И буду две недели пузо греть! А еще на рыбалку схожу! Да нет! Я туда каждое утро ходить буду! А еще на ночную отправлюсь! Ты представляешь? Костерок! А над ним ушица в котелке булькает! Водочка ледяная, что в воде своего часа дожидалась!

– Комары! Принудительные сельхозработы на грядках! Сортир во дворе! И прочие прелести дачной жизни! – иронично продолжил Гуров.

– Городской ты житель, Лев Иванович! – укоризненно покачал головой Крячко. – Ну нет у тебя никакого чувства прекрасного!

– Это ты о сортире во дворе? – невинно поинтересовался Гуров.

Вот за этим разговором они и вышли беспрепятственно за ворота, сели в машину Гурова – свою Стас решил забрать попозже, и не потому, что сгорал от любопытства, а чтобы не оставлять Льва Ивановича одного – мало ли что случиться может? О многолетней дружбе, связывавшей Гурова, Крячко и Орлова, в Главке знали даже уборщицы, и если кабинет Петра действительно поставили на прослушку, то некоторые люди могли сильно заинтересоваться, а что это за сладости они из его кабинета вынесли? И только ли их? А два ствола все-таки не один!

В квартире Гурова разгром, конечно, не царил, но Мария бродила по дому злая, орущего телевизора не видела и не слышала – одним словом, переживала. Но, даже понимая возможные последствия, Лев Иванович от своего плана отказываться не стал.

– Маша! Тебе нужно будет на некоторое время переехать в свою квартиру.

Она дернулась и, резко повернувшись, уставилась мужу в глаза. Поняв, что дело не в какой-то женщине, – а жены это мгновенно чувствуют, – она только спросила:

– Надолго? – За их совместную жизнь такое уже случилось и поэтому потрясением для нее не стало.

– Постараюсь, чтобы не очень, – ответил Гуров. – А в театре, если спросят, конечно, скажи, что поругались. – И объяснил: – Я пока ничего точно не знаю, но не исключено, что мне твоя помощь потребуется.

– И если ты появишься в театре, то якобы мириться, – поняла она. – Ладно, съеду на время! – И спросила: – Во что вляпался?

– Да мы пока сами еще ничего толком не знаем, – честно ответил он, но она не поверила и только иронически хмыкнула.

Друзья пошли на кухню – есть хотелось страшно, но ввиду взвинченного состояния Марии даже заикаться на тему чего-нибудь уже готового было опасно, так что они принялись кулинарничать сами, причем на троих – Орлов, как они поняли, тоже не обедал. Появившаяся Мария, критически оглядев стол – можно подумать, что сама готовила лучше! – усмехнулась и доложила:

– Сумку я уже собрала и такси вызвала. Лева! Будь джентльменом и проводи даму до машины.

Уже возле такси Мария, поцеловав мужа в щеку, шепнула ему:

– Ты уж постарайся остаться в живых!

– Обязательно, – ответил ей Гуров одним из своих любимых выражений.

Когда он вернулся домой, друзья совместными усилиями закончили готовку и, глотая слюнки, ждали Орлова. К счастью, ждать им пришлось недолго.

– Ну и какого черта вы сегодня вели себя как два законченных идиота? – неласково спросил он, входя в квартиру. – У вас что, климакс, что вы так истерите?

– Петр! Это я во всем виноват! – покаянно сказал Стас. – Сам не пойму, какая муха меня укусила, что я вдруг так взбрыкнул.

– Если ты себя взял с лошастью сравнивать, то тогда уж тебе вожжа по энному месту попала, – уже более мирно заметил Орлов и спросил: – Документы уже посмотрели?

– Нет, тебя ждали – ведь наверняка куча вопросов появится. Так что пошли поедим и будем думу думать, – предложил Гуров.

После незатейливого ужина они перебрались в гостиную и наконец достали со дна пакета тонкую пластиковую папку, а в ней несколько листов ксерокопий документов, просмотрев которые Гуров с Крячко недоуменно переглянулись и уставились на Орлова.

– Ну и что здесь непонятного? – спросил Стас. – Траванулся мужик неделю назад, правда, не до конца, но записка предсмертная наличествует, так что это попытка суицида в самом чистом виде.

– Не все так просто, – покачал головой Петр и стал рассказывать: – Васильев Дмитрий Данилович работает заместителем генерального директора научно-производственного комплекса «Боникс» по вопросам безопасности – это у нас тут, в Подмосковье.

– Оборонка? – уточнил Гуров.

– Да, и очень серьезная: что-то химико-биологическое. Мужик в прошлом – боевой офицер: Афган, Чечня. Имеет наградное оружие, – продолжал Петр.

– То есть, имея под рукой пистолет, боевому офицеру травиться как-то запахло, – расшифровал Стас.

– Вот именно! – кивнул Орлов. – Он сейчас в коме, причем врачи, как ни бьются, так и не могут понять, чем же он отравился, а точнее, его отравили.

– А предсмертная записка? – напомнил Гуров и прочитал ее вслух: – «Я так жить не могу, не хочу и не буду!»

– А ее он еще год назад жене оставил, когда из дома ушел после того, как узнал, что она ему изменяет, – объяснил Орлов.

– Они потом помирились? – уточнил Стас.

– Нет, они развелись, но снова стали жить в одной квартире, уже как соседи. Кстати, она его, вернувшись с работы, и нашла. Вызвала «Скорую», а те уже – полицию, – добавил Петр.

– А как бы нам уголовное дело посмотреть? – спросил Стас. – Замки входные на экспертизу наверняка же отдавали. Отпечатки снимали и все прочее.

– Нет никакого уголовного дела, и это, – Петр кивнул на листки, – все, что я смог достать. Районники решили, что раз предсмертная записка есть, то дело ясное.

– Значит, сейчас там уже ничего и не найти, – вздохнул Крячко. – А жаль!

Гуров сидел, просматривая немногочисленные документы, а там и было-то всего: протокол осмотра, врачебное заключение и предсмертная записка, и напряженно думал, а потом сказал:

– Давайте я вам расскажу, как мне представляется это дело, а вы будете меня поправлять или дополнять. Итак, версия первая: Васильева отравила жена, предположим, из-за квартиры. Ей с любовником надо где-то жить, а муж мешал. В пользу этого говорит записка, которую она припрятала в ожидании удобного случая...

– Но возникает вопрос: чем же таким неизвестным науке она могла его отравить? – встрял Стас.

– ...если только ее любовник не работает вместе с ее мужем, – как ни в чем не бывало продолжил Лев Иванович.

– Не проходит, – заявил Орлов. – Квартира после развода стала коммунальной – у них разные лицевые счета, и, таким образом, бывшая жена ничего от его смерти не выигрывает, потому что у них нет детей, которые, унаследовав комнату, могли бы ее матери подарить. А о том, что она эту записку уже видела, женщина могла промолчать просто от страха, что ее к этому делу приплетут.

– Но где-то же эта записка целый год хранилась? – возразил Стас.

– Могла и у нее, – заметил Петр. – Давайте рассмотрим такой вариант. Давно известно, что связь с замужней женщиной для любого мужика безопасна в плане того, что она на его

свободу покушаться не будет. А тут она развелась и стала требовать от любовника, чтобы тот тоже развелся и женился на ней – это если он женат. Любовник же либо от своей жены уходить не захотел, либо предпочел со свободой не расставаться и бросил ее. Тут-то она и решила восстановить былые отношения с мужем. Она к нему и так, и эдак, а он ее в упор не видит. А поскольку никто и никогда даже самому себе... Особенно самому себе! – выделил Петр, – в собственных ошибках не признается, то она его возненавидела, о чем окружающие, естественно, знали – ну, какая женщина с подругами не поделится? И вот, вернувшись домой, она находит своего бывшего мужа без сознания. И, испугавшись, что ее могут обвинить в его смерти, подбрасывает эту записку. Что вы на это скажете?

– Вполне возможно, – подумав, согласился Гуров. – Но у меня есть еще и вторая версия, которая кажется мне более реальной. И в ее пользу говорит то, что отравили Васильева неизвестным врачам средством.

– Излагай! – попросил Крячко.

– Васильев, скорее всего, на работе наткнулся на что-то очень серьезное, – начал Лев Иванович. – Это может быть как хищение каких-нибудь ценных препаратов для изготовления, предположим, наркотиков, так и утечка информации, а проще говоря, шпионаж. Мы пока не знаем, почему он решил действовать самостоятельно, а не дал делу законный ход, но что-то он выяснить успел. Либо он на чем-то прокололся, либо начал шантажировать преступников, и они решили его ликвидировать, причем срочно. Очень срочно! Иначе они могли бы устроить ему автомобильную аварию, разбойное нападение со смертельным исходом или что-то подобное, что никто и никогда не связал бы с «Бониксом», потому что сознание он потерял, вернувшись с работы. Что ты на это скажешь, Петр? – спросил Гуров, но тот молчал, глядя в сторону, и явно что-то просчитывал и прикидывал в уме, решая, говорить или нет. – Петр! Я ложной скромностью не страдаю, а о Стасе и говорить нечего. – Крячко на это только возмущенно фыркнул. – Но у тебя опыта гораздо больше, чем у нас двоих, вместе взятых, – ты же в генералы не по знакомству попал! А ты эти документы уже видел и те версии, что лежат на поверхности и которые я озвучил, тебе тоже на ум приходили, но они тебя чем-то не устроили. Вывод: ты знаешь намного больше того, чем сказал и показал. Так? – Орлов промолчал. – Петр! На Востоке говорят: «Не доверять другу хуже, чем быть обманутым», – продолжал Гуров. – Нашей дружбе не один десяток лет, и она уже не раз проверена и перепроверена, не хуже, чем эта квартира, которую я регулярно осматриваю, несмотря на все насмешки жены.

– Вот и прогуляйся еще раз, – предложил ему Орлов.

Крячко иронично хмыкнул, за что мгновенно словил от Гурова подзатыльник, и захныкал:

– Маленького обидеть каждый может!

– Да ты младше меня всего на четыре года, – бросил ему Лев Иванович.

И он действительно отправился проверять квартиру на наличие подслушивающих устройств. Крячко же продолжал демонстративно поглаживать якобы травмированную голову и стонать, но обстановка несколько разрядилась. Вернувшийся на место Гуров заверил Орлова:

– Все чисто! А если учесть, на каком этаже я живу и куда окна выходят, то слушать снаружи нас тоже не могут. Приступай! Кстати! – спохватился он. – Как этого твоего гостя зовут? Настоящего имени, как я понял, ты и нам не назовешь, так хоть придумай какое-нибудь. Например, Андрей! Подойдет?

– Ладно! – согласился Петр. – Так вот. Андрей и Васильев вместе учились в школе и все десять лет не только за одной партией просидели, но и дружили по-настоящему. А потом их пути разошлись. Васильев поступил в Вышку...

– То есть Высшую школу КГБ? – уточнил Стас, и Петр кивнул.

– Окончил ее, служил в Ясенева...

– А это, насколько я знаю, Служба внешней разведки, – заметил Гуров.

– Да! В отставку вышел в сорок пять подполковником и приблизительно два года назад устроился в «Боникс». Они многие годы друг о друге ничего не слышали, а года полтора назад восстановили старую дружбу. Стали видеться постоянно, и Васильев ничего от друга не скрывал, рассказывая и о работе, и о несложившейся личной жизни, так что Андрей знал о нем абсолютно все, в том числе и то, чем занимается «Боникс».

– Как я понял, биологическое оружие, – вставил Стас.

– Это несколько иначе формулируется: поиск средств для противодействия возможному применению противником биологического оружия.

– Один черт! – махнул рукой Крячко. – Только непонятно, с чего это вдруг Васильев так откровенничать стал?

– Были причины, – обтекаемо ответил Петр. – И вот два месяца назад Андрей в Интернете нашел небольшую статью, из которой следовало, что некие зарубежные ученые очень успешно проводят работы...

– Можешь не продолжать, – перебил его Гуров. – В том же направлении, что и «Боникс». То есть там обосновался предатель, который сливает информацию за бугор.

– Правильно понял, так все и было. Андрей рассказал об этом Васильеву, дословно перевел статью, и тот за голову схватился. Дело в том, что, судя по содержанию статьи, предатель в «Бониксе» обосновался где-то на самом верху, потому что никто из рядовых сотрудников в таком объеме информацией владеть просто не может. Кстати, эта статейка из Интернета почему-то на следующий же день исчезла, хорошо, что Андрей успел ее скачать.

– И Васильев начал рыть носом землю! И, видимо, успешно, если его попытались убить, – резюмировал Крячко.

– Да! Когда Андрей его в последний раз видел, а это было вечером накануне якобы самоубийства, Васильев сказал... Повторяю дословно: «Эх, если бы я не был по рукам-ногам повязан, я бы эту сволочь своими руками в ФСБ отволок! А так придется взять за горло и заставить по собственному желанию уйти!» И теперь неизвестно, кто это, мужчина или женщина, – развел руками Орлов.

– Как я понял, никаких его записей не сохранилось? – спросил Гуров.

– А черт его знает? – пожал плечами Петр. – Обыск-то в квартире не проводился! Так что, может, и лежат там, в укромном месте припрятанные. А может, и убийца их с собой забрал. Теперь остается только гадать. Андрею, во всяком случае, он ничего на сохранение не оставлял, и тот уже сам потом кое-что выяснил.

– А мы, кретины, его даже слушать не стали, – сокрушенно покачал головой Крячко.

– А вы что, конфеты так и не ели? – усмехнулся Орлов.

– Конспиратор чертов! – буркнул Стас.

Взяв коробку конфет, он вывалил ее содержимое в вазу и попытался поднять покрывавшую дно бумагу, но у него ничего не получилось.

– Сам небось старался, приклеивал! – ворчал он, сбегав на кухню за ножом и осторожно разделяя картон и пергамент.

Наконец его усилия увенчались успехом, и у него в руках оказались несколько листов папиросной бумаги.

– Поскольку Васильев со своим другом обсуждал результаты своих поисков, то Андрей и смог составить перечень тех, кто мог быть причастен к утечке информации, – объяснил Орлов.

– Ого! – воскликнул Крячко. – Тут же двенадцать человек! Ну и как мы их за две недели проверим?

– Вы на другой листок посмотрите, – сказал им Петр. – Дело в том, что Васильев в том их последнем разговоре чуть не проговорился, но вовремя прикусил язык, и Андрей понял только, что или имя, или фамилия, или прозвище предателя начинается на букву С.

– Шесть человек, уже легче, хоть и ненамного, – заметил Стас.

– Вот такие дела, други мои! Андрей собирался еще что-то нам рассказать, но не успел, а теперь уже не спросишь. А поскольку я от должности временно, – невесело усмехнулся Орлов, – отстранен, то помочь я вам могу только на уровне своих личных связей.

– Вот и выясни для начала, почему в ФСБ никто по этому поводу не чешется, – сказал Крячко. – Или у них аналитики перевелись? Посторонний человек смог понять, что из «Боникса» информация как из шланга хлещет, а они ушами прохлопали?

Орлов ничего ему на это не ответил, и тогда Гуров напрямую спросил:

– А может, не посторонний? Кто такой Андрей?

– Может быть, когда-нибудь и расскажу, – туманно пообещал Петр.

– Да никто от тебя подробностей сейчас и не требует, – отмахнулся Гуров. – И так ясно, что Андрей проходит по программе защиты свидетелей. Но что-то же должно было случиться такого, что его вдруг так охранять начали? Ты же сам сказал, что полтора года назад он начал встречаться со старыми друзьями, общаться с ними и ничего не опасался. А сейчас вдруг на него такая охота началась! Это какие же серьезные силы нужно было задействовать, чтобы устроить покушение на него не где-нибудь, а на Петровке? Во-первых, выяснить, где именно и когда он там будет, во-вторых, узнать, что Панкратов чемпион Главка по стрельбе, а об этом писали только в нашей ведомственной газете, в-третьих, похитить его сына и, шантажируя этим, заставить убить Андрея.

– Прав он был, когда сказал, что наше корыто течет, – напомнил Стас. – Видимо, Васильев наткнулся на что-то настолько взрывоопасное, что рикошетом даже Андрею досталось, который хотел твоё внимание к этой истории привлечь.

– Да нет! – отмахнулся Орлов. – Это куплет уже совсем из другой песни и никакого отношения к Васильеву не имеет.

– Давайте разбираться поэлементно, – предложил Гуров. – Петр, ты давно Андрея знаешь?

– Больше тридцати лет назад познакомились, – ответил Орлов и, предупреждая следующий вопрос Льва Ивановича, сказал: – А позвонил он мне впервые неделю назад, когда Васильев, который обещал к нему после того разговора прийти, не пришел, и он узнал, что с ним случилось.

– И ты его сразу же узнал? – удивился Крячко.

– Он... – начал было Орлов, но продолжать не стал.

– Петр! – взорвался Гуров. – Да прыгай же ты, в конце концов! А то все разбегаешься и разбегаешься! В этом деле и так столько непонятного, что голова кругом, а тут еще и ты темнишь! Он сказал тебе что-то такое, что ты его сразу же вспомнил?

– Ладно! – решившись, начал рассказывать Орлов. – Мы тогда с ним полгода в одной комнате прожили. Надо было из интеллигентного мальчика, который музыкой, языками, спортом и всем прочим занимался, дворовую шпану сделать, а у меня что детство, что молодость ох и лихие были. Вот меня и привлекли, чтобы я его научил в «очко», «секу» и «буру» играть, передергивать, мухлевать, драться по-уличному, словечкам разным, приемам. Чтобы рассказал, как допросы ведутся, как себя в камере люди ведут, на пересылке, в колонии, как распознать, кто перед тобой: фраер или деловой. И всем прочим премудростям. Да чтобы он к имени своему новому привык. Конечно, не я один с ним занимался, но мы ближе по возрасту были, вот и по-дружились.

– И именно это имя он тебе и назвал, – понял Гуров и спросил: – Он был нелегалом?

Петр кивнул.

– Тридцать лет? – в ужасе воскликнул Стас. – С ума сойти!

– А вот он не сошел! Он два года назад вернулся, когда все закончилось.

– Что закончилось? – мгновенно вскинулся Крячко.

– Взяли тогда почти всю верхушку одной организации – это была наша совместная с американцами операция. Так штатники у него только что в ногах не валялись, золотые горы обещали, если он к ним уедет, а он решил на родину вернуться. Только уехал он из одной страны, а приехал в другую, где все что можно и нельзя продается и покупается. И мамонты вроде нас с вами наперечет! Дали ему роскошную квартиру в тихом центре, звание полковника, а деньги у него и так были – ему же все эти годы зарплата на книжку шла. И стал он к новой жизни привыкать, связи былые восстанавливать, друзей старых искать – родных-то у него никого не осталось.

– Что же он раньше с тобой не связался? – удивился Стас.

– Так он же мою фамилию не знал, – объяснил Орлов. – Ему сказали только, что я из милиции. А тут, как узнал он, что с его другом случилось, попросил руководство выяснить, кто я и где я. Вот и позвонил.

– Он до сих пор служит? – удивился Гуров.

– Нет, он в отставке и просто консультирует, когда попросят. Так что дома он работает. Работал, – поправился Петр. – А где он сейчас, я не знаю, так что выяснить у него, что он собирался вам рассказать, уже не получится.

– Что ж его руководство этим делом не занялось? – удивился Крячко.

– Другое ведомство, – кратко ответил Петр. – И по поводу ФСБ ты, Стас, зря, потому что понять эту статью мог только тот, кто глубоко в теме.

– Уж не вопросами ли международного терроризма занимался Андрей? – спросил Гуров.

Орлов промолчал, но Лев Иванович понял, что был прав.

– Ладно, будем надеяться, что Андрей сейчас в безопасности, – сказал Гуров и принялся рассуждать: – Итак, два года назад взяли некую верхушку, но не всю, и те, кто уцелел, начали искать предателя. А поскольку круглыми дураками наших врагов считали и изображали только в далеком, тепер уже советском, прошлом, мы этой ошибки не повторим. Не дураки там сидели в этой неизвестной лично мне организации. Они как-то выяснили, что Андрей вернулся в Россию, и отправили по его следу охотников. Петр, кто был в курсе того, что ты привлекался к подготовке нелегала?

– Только КГБ, а наше руководство подробностей не знало. Да и сам я не распространялся на эту тему, и не только потому, что подписку давал.

– Значит, если тебя на полгода откомандировали в распоряжение КГБ, то об этом в твоём личном деле обязательно должна быть копия соответствующего приказа! А поскольку в наше время, как ты правильно заметил, все продается и покупается, то выяснить у бывших чекистов твою фамилию труда не составило.

– Могли просто проболтаться, – предположил Стас. – Раз Андрей благополучно вернулся, то кто-то мог решить, что никакой тайны это больше не составляет.

– Значит, нам нужно выяснить, кто за последние два года брал для чего-нибудь личное дело Петра. Стас? – Гуров повернулся к другу.

– Понял! У меня там связи налажены! – согласно кивнул тот и вдруг, звонко шлепнув себя ладонью по лбу, воскликнул: – Так вот для чего шмон был! Лева! Они там «жучок» не поставили! Они его сняли! Как бы иначе они могли узнать, что Андрей вышел на связь с Петром и именно сегодня в определенное время к нему придет? И поставили они его, наверное, уже давно, еще тогда, когда об их знакомстве узнали! Судите сами, человек через тридцать лет приезжает в страну, где у него никого из близких не осталось. Что он будет делать? Новые знакомства заводить? Да нет! Возраст уже не тот! Он постарается друзей детства и молодости найти, потому что старая дружба не ржавеет!

– Твою мать! – вскакивая, заорал Орлов. – Это на каком же уровне у нас крыса обосновалась?!

– Побереги нервы, Петр! Они тебе еще пригодятся! – попросил Гуров. – Стас! Нужно срочно выяснить, кто давал приказ об обыске в кабинете Петра.

– И кто его к этому приказу подтолкнул, – добавил Крячко, разбирающийся в таких вещах куда лучше своего друга.

– Когда на Андрея охота началась? – спросил Лев Иванович.

– Да вскоре после того, как он вернулся, они его искать и начали.

– Ему пластику делали? – продолжал выяснять Гуров.

– Омолодили – он сейчас лет на тридцать пять выглядит. Бороду он сбрил, а волосы, наоборот, отпустил. Ходит в джинсах, джемпере и кроссовках, на носу темные очки. Так что если с его старыми фотографиями, ну, теми, что сделали, когда он только приехал, сравнивать, то узнать очень трудно, – объяснил Орлов. – А дня четыре назад агентура донесла, что вычислили приезжие кавказцы какого-то мужика и жутко этому радовались.

– Андрей знал, что его ищут? – спросил Гуров.

– Естественно, ему об этом сказали и попросили быть поосторожнее.

– Что же у нас получается? Звонил тебе Андрей явно не со своего домашнего телефона и даже не с сотового...

– Из автомата с вокзала, – ответил Орлов.

– Кому надо пробили, откуда был звонок, а камер слежения на вокзале до черта, – продолжил Гуров. – Но, чтобы отсмотреть записи, эту операцию надо было как-то залегендировать...

– Не усложняй! – поморщился Стас. – Представь себе, что пришел в службу безопасности вокзала мужик и слезно попросил показать ему запись определенного дня и времени. И объяснил это так, что, мол, по параллельному телефону разговор своей жены с любовником услышал и понял, что тот говорит с этого вокзала. Вот и хочет он этого гада в лицо знать, чтобы встретить и поговорить по-мужски. Лично я так бы и сделал и ручаюсь, что сработало бы.

– Может быть, – согласился с ним Лев Иванович. – Вы с ним во время того разговора о точном месте встречи договаривались? – спросил он у Орлова.

– Понимаешь, в одном из тех наших давних разговоров он как-то сказал, что хотелось бы ему посмотреть, где я такое лихое детство провел, а я ему тогда адрес сказал и пообещал, что когда-нибудь покажу. Вот он мне и напомнил, что пора бы мне то свое обещание выполнить, и спросил: «Через час сможешь?» Я, как услышал это, так сразу понял, что не зря он шифруется, так что пришел туда только тогда, когда убедился, что «хвоста» за мной нет. Так мы с ним и встретились через много-много лет во дворе того дома, где наша семья до моих шестнадцати лет жила.

– То есть этот адрес в твоём личном деле не отражен, – понятливо кивнул Гуров.

– Пришел я, а там прямо-таки хлюст какой-то молодой на лавочке сидит! Я бы на него и внимания не обратил, если бы он сам меня не позвал. Да и признал-то я его только после того, как он темные очки снял. Рассказал он мне вкратце, что и почему с Васильевым приключилось, и попросил другу своему помочь, да и вообще в этом деле разобраться, и я обещал. А основательно мы с ним уже вечером у него дома посидели, и опять-таки я проверялся как только мог. Он сказал, что, как только документы, – Петр кивнул на листки, – подготовит, так мне их и передаст. Я ему потом звонил, но не дозвонился.

– Видимо, Андрея к этому времени уже переселили и круглосуточную охрану к нему приставили! – предположил Крячко.

– Скорее всего, – кивнул Петр. – А потом он сам мне позвонил и пошутил, что согласен дать показания. Вот я и предложил организовать нашу встречу у меня в кабинете.

– И какого же черта ты его в Главк потащил? – взорвался Крячко. – Неужели встречу нельзя было организовать на какой-нибудь конспиративной квартире? Или тщеславие в тебе разыграло? Решил показать ему, что и сам не лыком шит?

Тут Гуров ожег Стаса таким взглядом, что тот мигом сунул себе в рот сразу две конфеты и даже ладонью его прикрыл, показывая, что больше не проронит ни звука.

– Да! – заорал Орлов. – Хотел показать, что тоже кое-чего в жизни добился! Хотя, если сложить все то хорошее, что я за свою жизнь сделал, с тем, что совершил он, и крошечной доли не наберется! Да ему сотни тысяч людей своей жизнью или уже обязаны, или будут! Ты думаешь, почему его голову на вес бриллиантов оценили? А потому, что он энциклопедия международного терроризма! Он за тридцать лет от рядового боевика до главного советника шефа поднялся! А память у него феноменальная! И он каждого, кого за это время хоть раз видел, запомнил! И где это было, и о чем говорили тоже! Ему теперь только фотографию покажи, и он тебе точно скажет, кто это и в чем замешан! Ты думаешь, ему американцы просто так в глазки заглядывали и умоляли в Штаты уехать? – И, немного выпустив пар, ернически сказал Крячко: – Вот такой этот Гюльчатый!

Стас опустил голову и на всякий случай сунул в рот еще одну конфету, а Гуров только поморщился и попросил:

– Не шуми, Петр! – А потом, горестно посмотрев на Крячко, вздохнул: – Что выросло то выросло! Будем терпеть!

– Да уж! Вырастил на свою голову! – буркнул Орлов и устало закончил: – И потом, ни одному психу даже в его больную голову не пришло бы, что у нас на Петровке может такое случиться! И, не будь на Андрее кевлар, убил бы его Панкратов – он же не промахивается.

– Ладно! Давайте вернемся к нашим баранам, – предложил Гуров. – Будем надеяться, что с Андреем ничего страшного не случилось – рана, на мой взгляд, не опасная, и ни артерия, ни кость не задеты, а то он бы себя иначе вел да кровь фонтаном бы била. С Панкратовым будет разбираться антитеррористический комитет, – он вопросительно посмотрел на Петра и тот кивнул, – а уж те из него все вытрясут. А вот вычислить крысу в Главке я считаю нашим долгом!

– Найдем! Куда он денется! – шапкозакидательским тоном заявил Стас и тут же заткнулся под мрачными взглядами друзей.

– Теперь о Васильеве, – продолжил Гуров. – Петр! Я от работы никогда не увиливал, но, может быть, имеет смысл поговорить, например, с тем же Кулагиным. Это не его направление, но позондировать почву он ведь может, просто поговорить о том, что вокруг этого «Боникса» творится.

– Можете меня хоть насквозь взглядами прожечь, но я бы этого не советовал, – решительно сказал Крячко. – Не тот он стал, что раньше. Он теперь так высоко взлетел, что уж очень сильно упасть боится.

– Вот здесь я со Стасом согласен, – поддержал его Орлов. – И потом, была же какая-то веская причина, по которой Васильев не стал делу законный ход давать, а сам расследованием занялся. Не зря же он сказал, что по рукам-ногам повязан. Что-то его удерживало, но что? Эх, не вовремя ты, Стас, со своим выступлением вылез!

– Как раз вовремя, а то узнали бы обо всем не только мы трое, но и кое-кто еще! – возразил Крячко.

– Все! Закрыли эту тему! Что сделано, то сделано, и переделать уже нельзя! Значит, будем разбираться сами! – решительно заявил Гуров. – Ты понял, что тебе делать надо? – Он посмотрел на Крячко, и тот покивал ему в ответ. – Дальше! Мое мнение, что нужно как-то подтолкнуть районных, чтобы они завели уголовное дело, тогда мы более-менее официально действовать сможем. Только как?

– Завести всегда успеем! – уверенно заявил Стас. – Это же мое родное управление, откуда я на Петровку перешел, а начальником там Мишка Косолапов, с которым мы еще операми начинали. Схожу к нему, посидим, поговорим... Всего делов-то! И выясню я все потихонечку. Вызовем мы для начала бывшую васильевскую супругницу и возьмем за жабры! Поинтере-

суюсь, откуда вдруг так вовремя записка вовсе не предсмертная взялась, и она мигом расколется. Да быть такого не может, чтобы она ничего не знала! Они вместе много лет прожили да и потом соседствовали! А любопытства бабского еще никто не отменял! И ни за что я не поверю, чтобы она не подслушивала, не подсматривала и не вынюхивала! Хотя бы на предмет того, а не завелась ли у ее бывшего муженька баба. С подружками ее надо аккуратно поговорить! А под эту сурдинку и обыск можно будет провести! С соседями побеседовать – те тоже много чего любопытного знать могут. Что собой эта баба представляет?

– Тамара Петровна Васильева, 45 лет, работает костюмершей в театре «Храм современного искусства», – ответил Орлов. – Да там на одном из листков все данные есть.

– Ну-у-у! Тут тебе, Гуров, и карты в руки! – воскликнул Стас. – Да Мария ее в два счета разговорит и всю подноготную выяснит. Да и подруженьки Тамары по работе тоже своего не упустят и все, что о ней знают, выложат. Только и успевай, что слушать да запоминать!

– Да! – невесело заметил Лев Иванович. – Я словно в воду глядел, когда сказал ей, что, может, придется-таки к ней за помощью обратиться. Хотя говорил больше для того, чтобы настроение ей поднять и дать почувствовать свою значительность. Ладно, съезжу я завтра к ней в театр, якобы мириться.

– Подожди, пусть Тамару сначала в ментовку вызовут, чтобы Маша уж все до конца одним разом узнать смогла, а то подозрительным покажется, что сама Мария Строева вдруг к костюмерше с разговорами зачастила.

– Согласен, – подумав, сказал Гуров. – Буду ждать твою отмашку. Дальше. Нужно будет в «Боникс» съездить, чтобы с людьми поговорить под тем предлогом, что кто-то из них мог довести Васильева до самоубийства. Там и на фигурантов можно будет посмотреть – вдруг среди оставшихся шести есть такие, что ни с какого боку нам не подходят.

– То есть сунуть палку в муравейник и посмотреть, кто куда побежит, – закончил его мысль Стас.

– Верно! – кивнул Лев Иванович. – И еще есть у меня мыслишка: а не там ли его траванули? Вдруг эта дрянь с отсроченным сроком действия, и накрыло его как раз тогда, когда он домой вернулся? Да и с врачами нужно поплотнее поработать – они же у Васильева всевозможные анализы брали. Вдруг что-нибудь странное нашли?

Закончив, он посмотрел на друзей, ожидая, не добавят ли они еще что-нибудь, но те только согласно покивали головами.

– Ну, что? Тогда по коням!

Первым вышел Орлов, а Крячко задержался и опасливо спросил у Гурова:

– Слушай, а что, у мужиков тоже климакс бывает?

– Еще как бывает, – подтвердил тот, и Стас крепенько призадумался.

Утром Крячко на работу явно не торопился, и его жена с бо-о-ольшим подозрением на него уставилась – с чего бы это? Вроде бы вторник – день во всех отношениях рабочий.

– Я с сегодняшнего дня в отгулах, – объяснил он.

– А... – радостно начала было она, но Стас тут же объяснил:

– Якобы в отгулах!

Она тут же посмурнела, вздохнула и обреченно сказала:

– И когда только это закончится! Опять во что-нибудь вляпался!

– А ты, дорогая, знала, за кого замуж выходишь, чего же теперь вздыхать? Как говорит Гуров: «Будем терпеть!»

– Так ты на пару с ним вляпался? – догадалась она.

– Мы с Тамарой ходим парой, мы с Тамарой санитары, – отшутился Крячко.

Позавтракав, он поехал все-таки в Главк, но в свой родной кабинет даже не заглянул, а отправился бродить по чужим, а больше – по приемным. Разговорить Стас мог даже немного,

так что кое-какую информацию собрал, кое-какую ему пообещали сообщить попозже, и он, заглянув в магазин, купил качественной водки, закуски и отправился в свое родное управление. Предъявив дежурному на входе удостоверение, Стас отправился напрямик к кабинету начальника. Секретарша вопросительно посмотрела на него, но он, обаятельно улыбувшись, приложил палец к губам и шепотом спросил:

– Один? – и, получив утвердительный кивок, объяснил: – Сюрприз!

Заинтригованная секретарша даже не попыталась его остановить, и он вошел в кабинет.

– Эх, сколько же разгонов я получил здесь в свое время! – вздохнул он, оглядываясь по сторонам.

– Стас! Ты, что ли? – воскликнул сидевший за столом подполковник и поднялся ему навстречу. – Какими судьбами? По делам или как?

– Потапыч! Да какие у меня могут быть дела? Я в отгулах! Целых две недели себе выбил! Гуляй – не хочу! – объяснил Крячко.

– И другого места ты не нашел? – усмехнулся хозяин кабинета.

– Жена попыталась было на дачу меня отправить – еле отбилась. Понимаешь, сам не знаю почему, но, когда сидел сегодня за завтраком, вспомнилось мне, как мы с тобой в свое время Сеньку Лома брали. Вот и захотелось на родные пенаты посмотреть.

Сыск приобрел в лице Крячко немало, но дипломатия потеряла еще больше, потому что напоминание о Сеньке Ломе было совсем не случайным – только быстрота реакции Стаса спасла тогда Михаила от ранения, а может быть, и от смерти.

– Да, – вздохнув, согласился с ним Косолапов. – Лихие были времена! А теперь мы с тобой уже не те: по засадам не сидим, в погонях и перестрелках не участвуем, погрузнели, остепенились...

– Обзвездились, – поддержал его Крячко. – Ладно! Давай не будем о грустном! Мы с тобой еще мужики хоть куда! – И, тряхнув пакетом в руке, спросил: – Ты себе позволить можешь?

– Ну, если только по чуть-чуть, – с сожалением ответил Михаил, и это сожаление явно относилось к «чуть-чуть».

Предупредив секретаршу, что он занят, Косолапов достал для конспирации чашки, на тарелках мигом появились мясная нарезка и уже нарезанный хлеб – Стас предусмотрел все, и они выпили действительно по чуть-чуть.

– Слушай, Стас! А что у вас там за шум вчера в Главке был? – спросил Михаил – слухи по Москве распространились со скоростью, намного превосходящей скорость звука.

– Да у капитана одного башку снесло, – отмахнулся Крячко. – Сначала он к нам с Гуровым заскочил и обложил с ног до головы, а потом пошел дальше приключений искать, вот и расшмалял одного мужика.

– Тот, говорят, в кевларе был, – заметил Косолапов.

– А как же было его не прикрыть, если он из подозреваемых решил в особо ценные свидетели переметнуться? Пошел на сделку со следствием, но поставил условие, что разговаривать будет только с Орловым – сам же знаешь, что у того слово – камень. Если уж пообещает чего, то кровь из носу, но сделает, – фантазия у Стаса всегда была буйной, а в таких случаях – особенно.

– Но кевлар – это все равно слишком, могли бы и броником обойтись, – покачал головой Михаил.

– Я об этом деле краем уха слышал, так что подробностей не знаю, – развел руками Крячко. – Может, мужик условие такое поставил? Сам понимаешь, он же башкой рискует! Ну, по второй?

– Давай! – согласился Михаил.

После второй его глаза подозрительно заблестели, и Крячко понял, что прикладывается тот частенько. Хотя, чему удивляться – работа у него такая, что врагу не пожелаешь!

– Слушай, Потапыч! У меня работы было невпроворот, и я только вчера случайно узнал: говорят, Митька Васильев неделю назад траванулся? – как бы между прочим спросил Стас.

– Какой Васильев? – удивился Михаил.

– Да подполковник. Фээсбэшник бывший, – пояснил Крячко.

– А-а-а! Понял! – покивал головой Косолапов. – Но там все чисто и предсмертная записка наличествует.

– Только записке этой год от роду, – заметил Стас. – Не скажу, чтобы мы с Митькой были по корешам, но сталкивался я с ним несколько раз – серьезный мужик. И Афган, и Чечню прошел! И вот что я тебе скажу: чтобы такой офицер, имея под рукой наградное оружие, травиться стал? Да ни в жизнь!

– А записка? – сразу трезвея, спросил Михаил.

– Так он год назад Тамарку – та еще стерва, между прочим, – на измене поймал и из дома ушел, а записку эту ей на прощание оставил. После развода он, правда, вернулся, но жить с ней больше не жил, а соседствовал.

– Блин! – Косолапов щарахнул кулаком по столу. – Это точно?

– Да он мне сам рассказывал! – с самым честным видом соврал Стас.

– Так что же нам теперь, по 105-й возбуждаться в свете вновь открывшихся обстоятельств? – тоскливо спросил Михаил, но тут же воспрянул: – Так особо тяжкими Следственный комитет занимается!

– Ну, зачем же так сразу и возбуждаться? – удивился Крячко. – У меня пока время есть, так что я и сам могу во всем разобраться. У тебя кто на место выезжал?

– А я помню? – удивился тот. – Посмотреть надо!

– Так вот, пусть он вызовет мадам Васильеву и поинтересуется у нее, откуда вдруг старая записка взялась? – предложил Крячко. – А я на их душевной беседе поприсутствую и послушаю, чего она лепить будет. Да и обыск провести не мешало бы – вдруг отравы еще в доме? – И объяснил: – Жалко мне Митьку! Стоящий мужик он, а сейчас в коме валяется, и еще неизвестно, выкарабкается или нет.

Косолапов с сожалением посмотрел на бутылку и решительно убрал в стол как ее, так и закуску. Бросив в рот карамельку, он вызвал дежурного с журналом и, посмотрев, скривился и покачал головой:

– Не, этот не пойдет! Совсем малахольный! А поручу-ка я это дело Никитину – он парень башковитый. А ты его, в случае чего, поправляй.

– Конечно! – согласился Стас, мысленно добавив: «И направляй куда надо».

Появившийся Никитин, заранее чуя, что не просто так его на ковер потянули, был заранее недоволен, а уж узнав, зачем именно, только что не взвыл:

– Михаил Потапович! Да у меня своих дел невпроворот!

– Отставить! Здесь у меня полковник из Главка Крячко Станислав Васильевич сидит, с которым мы когда-то операми начинали. Я тебе такую рекламу выдал, а ты меня подводишь!

О тандеме Гуров – Крячко знали в управлениях почти всей России – что уж о Москве говорить? И хотя большая часть славы доставалась Льву Ивановичу, но и Стас себя обделенным не чувствовал. Вот и Никитин, едва услышав известную фамилию, уставился на него во все глаза.

– Не беспокойтесь, юноша! Я вам, коль потребуется, и словом, и делом помогу – не чужой мне Васильев человек.

– А я что? Я не против, – сразу же пошел на попятную Никитин. – Когда приступать?

– Немедленно, юноша! – сказал ему, поднимаясь, Крячко и обратился к Косолапову: – Ну, Михаил Потапович! Надолго не прощаюсь! Не получилось у нас сегодня душевно посидеть, так ведь не в последний раз видимся.

В небольшом кабинете, который Никитин делил еще с двумя коллегами, Крячко первым делом спросил:

– Как зовут, юноша?

– Владимиром, – ответил тот, спешно убирая многочисленные папки со стула, чтобы Стас мог сесть.

– Ну, тогда начнем, благословясь! – предложил Крячко и, стряхнув со стула пыль, сел. – Садись и ты, Володя! Доставай протокол осмотра места происшествия, там номер телефона должен быть, и вызывай Тамару Петровну Васильеву на задушевную беседу для уточнения неких неясных моментов, причем немедленно! И подписочку о невыезде ты для нее заранее приготовь! А еще составь запрос на телефонную станцию обо всех звонках с их домашнего телефона, как входящих, так и исходящих. А как указанная дама придет, ты вопрос о записочке на десерт оставь, то есть мне! И еще криминалистов с экспертами и оперов предупреди, чтобы наготове были – куда же нам без обыска? Нам без обыска никак нельзя! Так что санкцией ты тоже озаботься!

Пока Владимир звонил, Стас сидел, разглядывал кабинет и ностальгировал по поводу своей, проведенной там, буйной юности, так быстро пролетевшей. Никитин и дозвонился, и за санкцией на обыск сбегал, а потом сел на свое место и преданно уставился на Стаса.

– Что дальше делать?

– Ждать, юноша! Этому тоже учиться надо, потому что впопыхах можно таких дров наломать, что тебе же самому мало не покажется.

Но ждать им пришлось недолго и, едва Крячко взглянул на появившуюся в кабинете женщину, как тут же понял, с этой гром-бабой они намучаются. Эта молодящаяся крупная крашенная блондинка в молодости была очень даже ничего, но с годами поплыла и обрюзгла – может, и попивала, а вот тяжелый характер как был при ней, так и остался. «И угораздило же Васильева с ней связаться! – сокрушенно подумал Стас, наблюдая, как Никитин бьется с ней как рыба об лед, и с тем же результатом. – Ничего, пусть мальчик зубки поточит, как щенок об тапочку! Опыта наберется! Ему еще с такими зубрами придется сталкиваться, что они ему ой как пригодятся!»

А Васильева стояла насмерть! Ничего не знаю, ничего не ведаю! Поняв, что пора вмешиваться, Крячко, а он сидел у нее за спиной, вкрадчиво сказал:

– Да верю я вам, Тамара Петровна! Верю! Только вот как объяснить, что записочку, якобы предсмертную, Дмитрий Данилович вам еще год назад на прощание написал, когда, вас на адюльтере поймавши, вещички собрал и из дома ушел?

Спина Васильевой напряглась, но сдаваться она не собиралась и снова затянула все ту же песню:

– Ничего я...

– Не знаю – не ведаю! – продолжил за нее Крячко и, обойдя, присел на край стола лицом к ней. – Человек вы в криминалистике несведущий, поэтому я вам исключительно из хорошего к вам отношения объясню, что наши эксперты в два счета выяснят, когда действительно была написана записка. И вот тогда все ваши чистосердечные признания уже гроша ломаного стоить не будут! – И в ответ на ее недоверчивый взгляд покивал: – Точно вам говорю, что выяснят!

– Но я же действительно ничего не знаю! – уже со слезами на глазах воскликнула она и начала сначала: – Он утром ушел, а я в театр к десяти поехала. И вернулась я уже после спектакля, в одиннадцатом часу ночи! Вошла, а в доме темно, хотя Димкины туфли на коврике стояли! Я удивилась, что он так рано спать лег, и на всякий случай решила посмотреть – у него в двери замок врезан, и он обычно запирается, но стекло есть, через которое все видно.

А дверь-то оказалась не заперта. Я в коридоре свет включила, чтобы его случайно не разбудить, если он действительно спит, и заглянула, а он за столом сидит, на него навалившись. Я сначала подумала, что пьяный он, хотя таким его никогда в жизни не видела, а потом решила все-таки разбудить его, чтобы он нормально лег, а то еще упадет, не приведи господи. А он без сознания! Вот я «Скорую» и вызвала – хоть и в разводе мы, а все же человек он мне не чужой. Ну, врачи приехали, стали вокруг него суетиться, а потом посоветовались, и я услышала, как один другому сказал, что похоже на отравление и нужно ментов вызывать. Тут я уже до смерти перепугалась – ведь на меня же могли подумать!

– А почему вы так решили, если ни в чем не виноваты? – спросил Крячко.

– А милиция... Тьфу ты! Полиция разбираться будет? Я телевизор смотрю! А там все время показывают, как людей ни за что ни про что в тюрьму сажают! Вот я тогда на кухню и шмыгнула. Записочку эту достала и в карман штанов ему подсунула, пока врачи на лестнице курили! А вот ключи от работы, наоборот, забрала, чтобы не пропали. А потом ваши приехали, записку нашли... Ну а дальше вы знаете!

– Зачем же вы ее столько времени хранили? Да еще на кухне? Не самое подходящее место для таких вещей, – заметил Крячко.

– Не ваше дело! – окрысилась она.

– Не будь оно нашим, дражайшая Тамара Петровна, не сидели бы вы сейчас перед нами, – ласково объяснил ей Стас. – Так что же эта записка на кухне делала?

– На стене она в файле висела! – буркнула Васильева, глядя в сторону.

– И повесили ее туда явно не вы, – покивал он.

– Димка это! Чтобы я смотрела на нее и... – Она отвернулась.

– И понимали, что «к старому возврата больше нет», как писал Есенин, – закончил за нее Крячко. – Что ж вы ее со стены-то не сорвали и на клочки не порвали?

– Характер его вы не знаете! – буркнула она. – Да и я, честно говоря, только поначалу бесилась, на записку эту глядя, а потом и замечать-то ее перестала.

Сказав правду, она даже как-то успокоилась и стала чувствовать себя свободнее, только рано она это сделала, потому что Крячко самым радушным тоном сказал:

– Ну, вот видите, самой же легче стало! А как обыск у вас проведем и, бог даст, ничего не найдем, так и вздохнете совсем свободно. В комнате Дмитрия Даниловича вы, надеюсь, ничего не трогали? А то ну как мы найдем отпечатки ваших пальцев, и потом опять вам нервничать придется!

– Да как же им там не быть, если мы наше общее имущество делили? – вскинулась она.

– И опять, уважаемая Тамара Петровна, должен вам объяснить, что отпечатки бывают старые и свежие. Так какие мы там найдем? – улыбаясь ей, как давней и доброй знакомой, спросил Стас.

– Я только деньги взяла, – глядя в стол, пробормотала она.

– А где они были?

– Да в ящике стола – он их всегда там держал, – по-прежнему не глядя на него, ответила она.

– Значит, больше вы ничего там не брали и не трогали? – поинтересовался Крячко. – Душевно вас прошу, успокойте меня и скажите, что нет.

И вот тут он нисколько не лукавил, потому что мысль о том, что Васильев мог хранить в своей комнате какие-то записи, прेमного грела его душу.

– Да не трогала я там больше ничего! – крикнула она.

– Скажите, а из «Боникса» никто не приходил? А то вдруг у него дома какие-то документы были, которые для работы нужны? – Чтобы у заместителя генерального директора оборонного предприятия по безопасности дома хранились какие-то рабочие бумаги, было полной чушью, но чем черт не шутит.

– Нет, – уверенно ответила Тамара. – Как его увезли, так я секретарше его позвонила и сказала, что Дима заболел и его в больницу увезли, а приходиться никто не приходил.

– Вы, Тамара Петровна, подписочку о невыезде на всякий случай подпишите, – предложил ей Стас и, когда она возмущенно на него уставилась, ласково объяснил: – Я же сказал, на всякий случай!

И, когда она подписала, спросил:

– Кстати, а вы у бывшего мужа в больнице хоть раз были?

– Так врачи же сказали, что его в реанимацию повезут, а туда никого не пускают, – удивилась она.

– Но вы ведь туда, по крайней мере, звонили? – вкрадчиво продолжил он, будучи уверен, что нет.

– А как же? – взвилась Васильева. – Каждый день утром звоню! Да кто же им еще поинтересуется-то? Кто же ему домашенького поесть принесет, если он очнется? Кто из-под него горшки таскать будет, когда его в общую палату переведут?

Немного ошарашенный таким взрывом эмоций, Крячко счел за благо закрыть эту тему и скомандовал смотревшему на него с восхищением Никитину:

– Поехали!

Обыск шел уже четвертый час, причем проинструктированные Стасом опера и криминалисты шмонали по полной программе. Самым тщательным образом были осмотрены не только комната Васильева, но и его бывшей жены, и места общего пользования – голяк! Ни яда, ни каких-нибудь записей найти не удалось. А поскольку ни машины, ни гаража, ни дачи у Васильевых не было, то и искать больше было негде. Замки из входной двери и двери в комнату Васильева были взяты на экспертизу, но многого от нее Крячко не ждал – и так было ясно, что отравили его не здесь, а состояние комнаты, да и квартиры в целом говорило о том, что до них там ничего не искали. Окончательно выдохшись, мужики только сокрушенно вздохнули и развели руками.

– Ну, вот и все! – сказал Стас Тамаре, тоскливо осматривавшей учиненный в ее квартире разгром – работы ей предстояло не на один день. – Зато теперь вы можете спать совершенно спокойно, и не думаю, что мы вас еще раз потревожим, если, конечно, ваше алиби подтвердится и вы действительно целый день провели в театре. Так что можете прямо сейчас начать прибираться. Или вам сегодня на работу?

– В том-то и дело, что на работу, – обреченно произнесла она и вздохнула.

Выйдя из дома, все расселись по своим машинам, и только Никитин остался стоять возле Крячко в ожидании новых указаний.

– А с вами, юноша, мы завтра поедим в «Боникс» и будем там выяснять, кто же мог так огорчить Васильева, – сказал Стас. – А поскольку ехать нам далеко, то ждите меня в шесть часов утра возле вашего управления, и отправимся мы с вами лихо отыскивать.

Сев в машину, Крячко тут же позвонил Гурову и сказал:

– Привет, Лева! Это я тебе так рукой машу!

– Понял! – ответил Гуров.

– Кстати, Петр был прав, – Стас имел в виду, что записку Тамара действительно подсунула.

– Так он всегда прав, – заметил Лев Иванович. – Ну, до вечера.

Они еще накануне решили, что никаких разговоров по существу по телефону вести не будут – черт его знает, с кем им дело иметь придется, так что лучше перестраховаться. И Крячко поехал обратно в Главк, чтобы получить обещанную информацию.

А Гурову уже было чем поделиться, потому что утром он поехал напрямик в больницу, где лежал Васильев, чтобы поговорить с его лечащим врачом, но толку не добился, поскольку больной хоть и числился за отделением, но находился в реанимации. А вот там Льву Ивановичу

повезло, потому что Васильевым занимался хоть и молодой, но уже очень толковый врач, по виду которого было сразу же понятно, что он фанатик своего дела, а все остальное для него не существует, о чем явственно свидетельствовали разные носки на его ногах.

– Я ничего не понимаю, хоть и защитил кандидатскую как раз по токсикологии! – заявил он, когда Гуров объяснил ему, зачем пришел. – Анализы ни в одну известную мне картину не вписываются!

– Но хоть что-то это вам напоминает? – настаивал Гуров.

– В том-то и дело, что ничего подобного я раньше не встречал! И пусть не ждет, что я руки опушу! Я докопаюсь, что это за дрянь была! Я его в покое не оставлю!

– Это вы о Васильеве? – поинтересовался Лев Иванович.

– Конечно, о нем! – удивился врач. – Я его вытащу! Хотя бы для того, чтобы узнать, какой гадости он наглотался!

– То есть яд был принят с пищей? – уточнил Гуров.

– Ну, если следов инъекций на нем я не обнаружил, то либо съел, либо выпил. Хотя... – Он задумался. – Мог и надыхаться, только не доводилось мне как-то раньше встречать такой способ суицида.

Говорить этому оторванному от жизни человеку о том, что это вовсе не была попытка самоубийства, равнялось тому, чтобы дать объявление по радио, и Лев Иванович не стал его убеждать, а спросил:

– То есть остается надежда, что он выйдет из комы?

– Со стопроцентной уверенностью вам ответит только шарлатан, а я в прогнозах более осторожен и поэтому скажу так: есть очень большая вероятность, что он придет в себя.

– Кто-нибудь интересовался его самочувствием? Приходил или звонил? Может быть, с работы или родственники?

– Ко мне никто не подходил, а насчет звонков – это к девочкам! – Он имел в виду медсестер.

– Хорошо, я у них поинтересуюсь, – пообещал Гуров. – А вас я очень настоятельно попрошу сообщить мне, если Васильев придет в себя, – и положил ему в нагрудный карман халата свою визитку, сделанную как раз для таких случаев, на которой было только его имя и номер сотового телефона. – Не забудьте, пожалуйста! Хотя бы для того, чтобы похвалиться своей очередной победой.

Врач убежал по своим делам, а Лев Иванович действительно начал расспрашивать медсестер о том, кто и когда интересовался Васильевым. Оказалось, что в первый день было несколько звонков, причем как от мужчин, так и от женщин, но из последних представилась только одна, назвавшись женой. Узнав, что состояние больного критическое, мужчины вежливо поблагодарили и больше не звонили, а вот женщины продолжали звонить ежедневно, хотя и получали все тот же ответ.

– Девочки, а вы верите, что Васильев может прийти в себя? – спросил Лев Иванович. – Вы же за свою работу столько здесь насмотрелись, что не хуже врачей во всем разбираетесь.

Польщенные девушки – а Гуров всегда производил на женщин всех возрастов неотразимое впечатление – только удивленно пожали плечами.

– Да вы что? Хотя теоретически все возможно, но практически... – Они все, кроме одной, переглянувшись, только покачали головами.

– Ну, зачем вы так? – робко возразила та, что была с ними не согласна и на чьем халатике был бейджик с именем «Светлана». – Виктор Степанович так старается! – Она явно была влюблена в него.

– Да никто и не говорит, что он не старается, только чудес на свете не бывает, – возразили ей остальные – видимо, врач не от мира сего среди них не котировался и соперниц у нее не было.

– Девочки, я вас попрошу, и вы остальным передайте, чтобы независимо от самочувствия Васильева отвечали по-прежнему, – сказал Лев Иванович. – Не стоит вселять в людей, может быть, несбыточную надежду. Кстати, а что это за вторая женщина звонит, которая не жена?

Все опять пожалы плечами, и только Света ответила:

– Хорошая, наверное, потому что голос у нее такой тихий, интеллигентный, и она всегда с такой надеждой спрашивает, а услышав, что без изменений, очень расстраивается.

– Ну, девочки, извините, что я вас от работы отвлек, – сказал Гуров, и медсестры стали расходиться по своим делам, а он задержал Свету и, отдавая ей такую же, как и врачу, визитку, шепотом попросил: – Если вдруг Васильеву станет лучше, я вас очень попрошу: позвоните мне обязательно. Правда, я и Виктора Степановича об этом попросил, но он ведь забудет, правда?

– Забудет, – улыбнулась она и тут же насторожилась: – А зачем вам это?

Вместо ответа Лев Иванович показал ей свое удостоверение – она только тихонько ойкнула, взглянув на него, – и предупредил:

– Только знать об этом никому не надо! И вот еще что: если эта вторая женщина будет еще звонить, постарайтесь как-нибудь очень осторожно узнать у нее, кто она, хорошо? И тогда тоже обязательно мне позвоните! А к Васильеву никого-никого посторонних не пускайте, договорились?

Покивав ему головой, девушка убежала, а он, глядя ей вслед, был уверен, что она и промолчит, и позвонит – он знал такой тип людей.

Из больницы он поехал к парню, которого все обычно звали Ежик из-за его торчащих во все стороны волос. Ежик тоже был не от мира сего, но совсем в другом отношении – он был компьютерный гений и не признавал невозможного. Познакомился с ним Лев Иванович года два назад, когда Ежик влип в одну очень некрасивую историю, но только краем, что позволило Гурову вывести его из-под удара – на зоне этот парень просто погиб бы. Да и влип Ежик тогда по глупости – его взяли на слабо, и он, желая доказать, что самый пробивной, взломал базу данных одного очень солидного банка, причем совершенно безвозмездно. Служба безопасности банка вовремя чухнулась, что со счетами клиентов что-то не то происходит, а поскольку собственное расследование результатов не дало, руководство банка обратилось в управление «К». Гурова же приплели к этому расследованию потому, что за организаторами аферы числились дела и покровавее. Когда же основных фигурантов взяли, те без зазрения совести не только сдали парня, но попытались еще и повесить на него организацию этой аферы – якобы все это именно он и затеял.

Дело закончилось ко всеобщему удовлетворению всех заинтересованных сторон, то есть огласки эта история не получила и репутация банка урона не понесла. Ежик отделался условным сроком, а банк даже принял его на работу, что благотворно сказалось на материальном положении его семьи – до этого мать Ежика горбатилась на двух работах, а он сам, поглощенный решением нерешаемых задач, целыми днями сидел за компьютером. Теперь он тоже сидел дома за компьютером, но уже за очень солидные деньги, а его мать, наконец-то вздохнув с облегчением, перестала тянуть из себя последние жилы и смотрела на сына с уважением как на кормильца, а не как на последнего обормота и нахлебника. Так что Ежик был очень сильно Гурову обязан – Лев Иванович вообще имел обыкновение обзаводиться должниками про запас, а то мало ли что в жизни может случиться.

Мать Ежика, немного даже посвежевшая и молодевшая за то время, что Гуров ее не видел, встретила Льва Ивановича как самого дорогого гостя, но он, отказавшись даже от чая, сразу же прошел в комнату ее сына. Комната Ежика ничуть не изменилась, а как была скоплением всевозможных технических, наваленных как попало прибабасов, так и осталась, но сам он был в новенькой футболке и даже подстрижен – в банк ведь ему пусть и не каждый день, но приходиться надо было. Да и на тарелке возле клавиатуры лежали уже не куски кое-как наломанного батона, намазанные плавленым сыром, а полноценные бутерброды с ветчиной, а чай

в стакане, судя по запаху, был не из дешевых. Ежик сидел, как и положено, за компьютером и яростно сражался с виртуальными врагами и ничего вокруг не видел, так что Гурову пришлось потрясти его за плечо, чтобы привлечь к себе внимание. Ежик нажал на «паузу» и недовольно повернулся к нему, но, узнав, тут же расплылся в счастливой улыбке.

– Ой, Лев Иванович! Здравствуйте! – обрадовался он. – А у меня вот перерыв, и я решил немного дать отдых мозгам.

– Ежик! Я к тебе по делу, – серьезно сказал Гуров. – Вот! – Он положил перед парнем заранее отскерокопированный список из шести имен. – Мне нужно знать об этих людях все, что только возможно.

– Лев Иванович! – обалдел Ежик. – Да вы же сами с меня честное слово взяли, что я больше никогда в жизни...

– Помню! И теперь уже я даю тебе честное слово, что никто и никогда в жизни не узнает от меня, кто именно это сделал, а сам ты никаких следов, как всегда, не оставишь. Пойми, речь идет об очень серьезном деле, и на кону не только жизнь человека, который сейчас находится в коме и неизвестно, выйдет из нее или нет, а гораздо большее, – объяснил Гуров.

– Но в вашем управлении... – начал было Ежик, и Лев Иванович перебил его.

– Это нужно лично, – подчеркнул он, – для меня. Помоги, Ежик!

– Так у меня условный срок, – напомнил парень.

– И я об этом помню, – кивнул Гуров. – И даю тебе слово офицера, что если вдруг это все вскроется, то я скажу, что шантажом вынудил тебя это сделать. Только, я думаю, бояться тебе нечего. Все эти люди работают в «Бониксе» – это оборонка, а там своя служба безопасности, так что со своих рабочих компьютеров они явно ничего противозаконного отправлять не могли, как и получать на них. Другое дело домашние компьютеры, но это тоже сомнительно. Я предполагаю... Только предполагаю, что кого-то из них могли чем-то шантажировать, но чем? Сын или дочь наркотиками увлеклись или с нехорошей компанией связались... Кто-то азартным игроком оказался и в долги влез... Фотографии в голом виде на каком-нибудь сайте появились... Внебрачный ребенок или вообще вторая семья на стороне. Словом, тут все что угодно может быть.

– Вы предателя ищете? – напрямую спросил Ежик. – Если все эти люди с оборонкой связаны, то вывод может быть только такой. – Гуров отвернулся и ничего не ответил. – Сделаю! – решительно сказал парень. – Я, конечно, тоже не подарок, но у меня прадед с войны не вернулся, и я помню, как бабушка плакала, когда о нем рассказывала. Когда это вам надо?

– Вчера, – кратко и исчерпывающе ответил Лев Иванович.

– Ну, вы тогда идите, а я, как закончу, так позвоню, – пообещал Ежик.

У Гурова на душе было погано, что он опять толкнул этого мальчишку туда, куда совсем не надо было, но что делать, если другого выхода не было. Он собрался заехать домой, когда позвонил Стас, и Лев Иванович, купив букетик первых весенних цветов, отправился в театр к Марии – ее расписание он помнил наизусть.

В театре Гурова все знали, и поэтому он спокойно прошел через служебный вход и направился в зал – там шла репетиция. Заметив его, режиссер только неодобрительно покачал головой – стараниями Марии все уже были в курсе того, что они поссорились, – и объявил перерыв, добавив:

– Строева! К тебе пришли!

Увидев мужа, Мария не стала гримасничать или еще как-то изображать недовольство, у нее и бровь не дрогнула, но вся ее фигура мгновенно стала прямо-таки излучать крайнюю степень негодования. Она медленно спустилась в зал, а Гуров пошел ей навстречу и, когда они встретились, она равнодушно спросила:

– Чем обязана?

– Маша, нам надо поговорить.

– О чем? – тем же тоном поинтересовалась она.

Мария говорила негромко, но их слышали все присутствовавшие, чьи уши, словно локаторы, были повернуты в их сторону.

– Давай отойдем, – предложил Лев Иванович. – Не стоит посвящать всех и каждого в наши проблемы.

– У меня нет никаких проблем, – поправила она его, но они все же отошли подальше, и она шепотом спросила: – Лева! Что случилось? У тебя глаза, как у больной собаки!

– Все потом, Маша. А сейчас я хочу тебя попросить об одном одолжении – тебе нужно встретиться с одной женщиной и выведать у нее все, что только возможно, о ее муже. Ее зовут Тамара Петровна Васильева, и она работает костюмершей в театре «Храм современного искусства».

– Ты с ума сошел? – возмущенно воскликнула Мария и все на них тут же оглянулись. – Да я даже под дулом пистолета в этот балаган не зайду! – уже тише сказала она.

– Надо, Машенька! – твердо сказал Гуров и добавил: – Понимаешь, мы со Стасом очень сильно подставили Петра, и он временно отстранен от должности.

– Что? – недоверчиво спросила она, и он кивнул. – Да!.. Вы!.. – заорала она, потому что сначала у нее от ярости даже слов не находилось, но потом ее прорвало: – Идиоты! Да каким местом вы думали? – И вот это игрой уже не было – Петра она действительно очень уважала.

– Это случайно вышло, – попытался оправдаться он.

– Да если бы специально, я бы вам обоим глаза собственноручно выцарапала! – продолжала бушевать она, а потом, немного успокоившись, спросила: – Это связано с ним?

– Напрямую, – кивнул Гуров. – Дело в том, что бывший муж Васильевой работал заместителем генерального директора на оборонном предприятии, и его отравили неизвестным науке ядом. Он сейчас в коме, и прогнозы самые пессимистичные. А жить после развода они продолжали в одной квартире, так что он все время был у нее на виду. Вот и нужно выяснить, что с ним происходило в последнее время и вообще что он за человек. Мы предполагаем, что у него могла появиться какая-то женщина, так не знает ли Васильева, кто это может быть. Машенька! Я тебя очень прошу, постарайся! Ты же, если захочешь, и дьявола на поводок возьмешь, а он, что самое главное, даже сопротивляться не будет, а побежит радостно с тобой рядом и в глазки преданно заглядывать будет.

Глаза Марии довольно заблестели, и она с трудом удержалась от улыбки, а сама тем временем подумала, что дьявола-то она на поводок действительно взять сможет, а вот ее собственный муж как гулял сам по себе, так и продолжает, и ничего она с этим поделать не может.

– Хорошо, – согласилась она. – Я сегодня же туда к Костику заеду.

– А это кто?

– Гениальный театральный художник, но... – Маша вздохнула.

– Спился, – понял Гуров.

– К сожалению, не такая уж редкая это в наше время вещь, – заметила она и хотела вернуться на сцену, когда Лев Иванович остановил ее:

– Маша, ну ты хоть цветы-то возьми.

Она глянула на букетик в его руках и хмыкнула:

– Ладно! А то получится, что ты зря потратился.

Когда она брала цветы, Гуров потянулся, чтобы поцеловать ее в щеку, но она ловко увернулась и недоуменно спросила:

– Я давала повод?

Она повернулась и теперь уже действительно ушла, а Лев Иванович смотрел ей вслед и думал, что Мария все-таки гениальная актриса.

Решив все первоочередные задачи, Гуров поехал домой. Зная, что и Стас, и Петр вечером приедут к нему, он бросил курицу размораживаться в микроволновку, чтобы потом при-

готовить ее в духовке – дело-то несложное, нужно было только посолить ее и засунуть в рукав для запекания, а овощи и на пару мигом приготовятся. Решив теоретически проблему кормления гостей, он принялся чистить овощи, попутно размышляя, что еще можно было выжать из той скупой информации, которой они пока владели. Да, в общем-то, ничего! Отправив курицу в духовку, он перебрался в гостиную и продолжил терзать мозги, но все так же безуспешно.

Первым приехал Петр, а поскольку он был в форме, значит, прибыл прямо «с ковра».

– Ну, как там? – спросил Гуров, внимательно присматриваясь к нему – у Петра в последнее время пошаливало давление, и сейчас его багровый цвет лица свидетельствовал о том, что оно опять подскочило. – Ты, может, приляжешь? – предложил он.

– Хватит из меня инвалида делать! – огрызнулся тот.

– Петр! Если ты свалишься, и, не дай бог, серьезно, то лучшего повода, чтобы отправить тебя в отставку, им не найти, – предупредил Лев Иванович. – Давай не будем доставлять им эту радость.

– Зато благоверная моя от счастья вприсядку пустится – ей моя служба за столько-то лет уже давно поперек горла стоит. Спит и видит, что я на пенсию уйду и мы с ней будем на даче грядки окучивать! – буркнул Орлов и добавил: – Да выпил я уже в машине таблетку, сейчас подействует.

Скинув китель и сняв галстук, он рухнул в кресло, жалобно скрипнувшее под его тяжестью – Петр никогда хрупкостью сложения не отличался, а с годами раздался так, что больше походил на борца-тяжеловеса, чем на генерала полиции.

– Петр! Вот как Стас придет, тогда все в подробностях расскажешь, а сейчас скажи только одно: обошлось? – попросил Гуров.

– Частично. Андрей – спасибо ему великое – объяснил своему руководству, что случилось, а уж те с нашим связались. Высказали мне, конечно, кое-что, но помягчили, а вот за Панкратова получил я по полной программе! Как же я мог проглядеть, что у меня под боком... И все в том же духе! Так что разбирательство еще идет.

– Хотел бы я знать, как они поступили бы, если бы их ребенка похитили, – буркнул Лев Иванович. – Кстати, о нем ничего не слышно? – Орлов отрицательно помотал головой. – А сколько ему?

– Двенадцать. Один он у них, – вздохнул Орлов.

– Дай бог, чтобы вернули, – с надеждой сказал Гуров. – Или наши нашли.

– Да ищут его уже, – успокоил его Петр.

– А что сам Панкратов говорит?

– А я знаю? – пожал плечами Орлов. – Дело же ведет служба собственной безопасности.

– Так ты же, как я понял, у Игнатова и был, – удивился Лев Иванович. – Что же не спросил?

– Так он мне и ответит! – хмыкнул Петр.

Генерал Игнатов, возглавлявший в Главке службу собственной безопасности, всю жизнь проработал в кадрах и оперативной работы даже не нюхал. Был он человеком весьма недалеким, но на редкость въедливым и дотошным, а уж служебное рвение у него только что паром из ушей не выходило. Одно слово – службист! Если о гаишниках когда-то говорили, что они могут и к фонарному столбу прицепиться, то Игнатов, особенно с того момента, как сел в столь высокое кресло, даже на канцелярские скрепки смотрел с неослабевающим подозрением.

– Ну, так у Крылова бы спросил, – не отставал от него Гуров.

– Да не видел я его там сегодня, – отмахнулся Петр.

Курица в духовке истекала собственным соком, овощи, судя по виду, тоже были готовы, а Стаса все не было. Орлов, чье лицо приобрело обычный цвет, а значит, давление нормализовалось, алчно приглядывался к курице и совсем уже было решил на нее покуситься, как появился Крячко.

– Где тебя черти носили? – «ласково» встретил его Петр. – Мы тут с голоду умираем, а ты неизвестно где болтаешься!

– Почему это неизвестно? – притворно удивился Стас. – Очень даже известно – в Главке я был.

Поняв, что Крячко прибыл с новостями, которые могли быть... Да что там лукавить! Они определенно были нерадостными, и друзья, даже не совещаясь, решили, что к делам перейдут после обеда. Когда от птички остались только косточки в мусорном ведре, грязная посуда была отправлена в посудомоечную машину, а чай не только заварен, но уже и перенесен со всем прочим в гостиную, где поставлен на стол, Орлов наконец потребовал:

– Ну?

– С чего начинать? – невинно поинтересовался Стас и, ловко поймав запущенную в него Гуровым чайную ложечку, сразу поскущел лицом, вздохнул и сказал: – Игнатов, конечно. Только это не он в то время, о котором мы говорили, твое дело затребовал, потому что эта канцелярская крыса его уже давным-давно от корки до корки наизусть выучила и даже на вкус попробовала да выплюнула, а ничего нового там за это время не появилось. А вот приказ об обыске в твоём кабинете дал именно он.

– Стас, ты нарываешься, – совсем не шутя, предупредил друга Гуров. – Нам и так ясно, что Игнатов – это же его епархия, но вот...

– Кто его к этому подтолкнул? – продолжил его мысль Крячко и замолчал.

– Кто? – не выдержав, рявкнул Орлов.

– Лева! У тебя вроде коньяк был? – спросил Стас, не только оттягивая неприятный момент, но и желая как-то подготовить друзей к удару.

Ни слова не говоря, Гуров встал, принес бутылку с фужерами, разлил коньяк, и, когда они подняли бокалы, Стас сказал:

– Дай бог, чтобы это была последняя плохая новость в нашей жизни.

Они выпили, и Крячко, опустив глаза под напряженными взглядами друзей, сказал только одно слово, но для них оно прозвучало громом небесным:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.